

В. А. Медюлянова
Минск, МГЛУ

ИНВЕРСИЯ СКАЗУЕМОГО КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК В ЯПОНСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассмотрена специфика употребления инверсии в японском и турецком языках, выявлена связь между значением инверсии и ее формой.

Порядок слов является одним из наиболее сложных синтаксических показателей в любом языке.

По данному признаку японский и турецкий языки входят в одну из самых распространенных языковых групп с однонаправленным порядком слов по модели SOV (субъект-объект-предикат). Тем не менее, данный порядок слов свойственен повествовательной речи и является неким эталоном модели построения фраз в языке, не обладающих повышенной экспрессивностью. Однако в ряде случаев наблюдается перемещение предиката из конечной в начальную позицию в предложении, что, очевидно, обусловлено определенными факторами и, прежде всего, теми или иными коммуникативными целями, которые преследуются говорящим.

Данный факт свидетельствует о том, что перемещаемый элемент может быть успешно вычленен не только в языках со свободным порядком слов, как, например, в русском, но и в языках с фиксированным порядком слов, в некоторых случаях определяющем распределение субъектно-объектных ролей без использования дополнительных грамматических показателей.

Так называемые *линейно-акцентные преобразования* (термин введен Е. В. Падучевой), меняющие позицию и/или акцентуацию элемента предложения, апеллируют к теме актуального членения предложений и связаны с изменением тема-рематических отношений в предложении.

В отличие от турецкого, в японском языке тема предложения имеет четкое определение посредством частицы *wa*, которая присоединяется только к той части речи, которая имеет морфологические признаки существительного. Соответственно, инверсия сказуемого может осуществляться в японском предложении, во-первых, перестановкой предиката в начало предложения с сохранением тематической частицы при подлежащем в конце предложения, что характерно для разговорной речи. Например,

がっかりしたね、お母さんは。 ‘Ваша мать **расстроилась**, да?’

Однако, справедливости ради, стоит заметить, что в данном примере смещение темы в конец предложения вызвано не столько необходимостью в перестановке логических акцентов в послании говорящего, сколько потребностью актуализации деятеля для правильного восприятия реплики адресатом. Как известно, в японском языке не существует грамматической категории

лица глагола, т.е. японский глагол не спрягается по лицам. Кроме того, отсутствует четкая местоименная парадигма, а собственно местоимения малоупотребительны. Прочие дейктические средства, позволяющие установить субъект действия, в данном примере также не представлены. Поэтому без прямого указания на деятеля данная фраза, скорее всего, непосредственно в коммуникативной ситуации с опорой на интонацию вопросительного предложения была бы переведена, как «Вы расстроились?».

Во-вторых, инверсия сказуемого может осуществляться через перестановку предиката в начало предложения и присоединением к нему тематической частицы. При этом в случае выраженности предиката глаголом, последний преобразуется в существительное через субстантиваторы *no* или *koto*, которые одновременно выполняют и функцию слов-заменителей. Особенно отчетливо последняя функция прослеживается в случае выражения предиката прилагательными как предикативного, так и полупредикативного типа.

Например, сравните:

その建物はオランダ人によって設計されました。

‘Это здание **спроектировано** голландцами’.

その建物を設計したのはオランダ人です。

‘**Спроектировали** это здание голландцы’.

私はテニスが好きです。

‘Я **люблю** теннис’.

私が好きなのはテニスです。

‘Что я **люблю**, так это теннис’.

В данных примерах наблюдается одна любопытная деталь: прочие компоненты предложения, относящиеся к сказуемому, также смещаются. То есть все, что не относится к реме предложения, переносится в позицию перед частицей *wa* и образует, таким образом, один тематический блок. Следовательно, в данном случае инверсия сказуемого выполняет прежде всего функцию акцентуации действия. Выделение семантики сказуемого может быть реализовано и с помощью следующего способа инверсии, наблюдаемой в отрицательных высказываниях. Например,

彼はホテルに帰らなかった。

‘Он **не вернулся** в гостиницу’.

彼はホテルに帰りはしなかった。

‘В гостиницу он (так и) **не вернулся**’.

В данном примере глагол преобразуется в существительное через вторую основу глагола, к нему присоединяется тематическая частица, а отрицание подчеркивается с помощью смыслового глагола *делать* в отрицательной форме, т.е. буквально *возвращение не делал*. Технически и стилистически данный способ схож с примерами, описанными во втором способе. Отличается лишь способ образования отглагольного существительного.

Инверсия в турецком языке также характерна преимущественно для устной экспрессивной речи. Например,

Kim söyledi bunu? ‘Кто **сказал** это?’.

Gel buraya! ‘**Иди** сюда!’.

Defol buradan! ‘**Пошёл** вон отсюда!’.

Тем не менее, изменение словопорядка встречается также в сказках, рассказах, пословицах, поговорках, мерной речи, т. е. в некоторых жанрах письменного стиля. Например,

Sakla samanı **gelir** zamanı. ‘**Береги** солому, **придет** и ее время’.

Т.е., подобно японскому, слово, выделяемое в качестве темы, вместе со сказуемым помещается в начало фразы. Таким образом, порядок слов становится схожим с порядком слов в русском предложении.

Однако, Кононов А. Н. отмечает особый тип инверсии в турецком языке, при котором сказуемое ставится перед своим дополнением или другим членом предложения, относящимся к сфере сказуемого, и приводит следующий пример: Osman-bey **gider** o bir kapıyı bukmağa. ‘Осман-бей **идет**, чтобы найти ту дверь’.

В заключение можно сделать вывод, что инверсия сказуемого в японском языке не ограничивается стилистически и функционально, имеет гораздо более широкий грамматический инструментарий для вживления в структуру предложения, чем турецкий язык. Тем не менее, как в японском, так и в турецком инверсия представляет собой широко распространенное явление. В обоих языках с помощью инверсии достигается экспрессивность высказывания, свойственная устной речи, т.е. инверсия сказуемого используется как одно из средств выражения коммуникативной значимости тех единиц речи, которые требуют принятия на себя логического ударения. Такая универсальная закономерность обусловлена, прежде всего, единством человеческой психики, т.е. тем, что в разговорной речи человек стремится все самое важное выразить в начале высказывания, оставляя мелкие детали сообщения на потом, а иногда и на додумывание собеседнику.

Сходство специфики употребления инверсии в сравниваемых языках проявляется и в факторе последовательного и логического развертывания мысли, непосредственно связанного с тема-рематическими отношениями в предложении.

Отмеченная закономерная связь между значением инверсии и ее формой как общее языковое явление позволяет говорить об инверсии как об определенном типологическом признаке, характеризующем способы образования предложений различной коммуникативной направленности в сравниваемых языках.

In this article, the specificity of the use of inversion in the Japanese and Turkish languages is considered, a connection between the meaning of inversion and its form is found.